

УДК 322

Айвон Стренски
доктор философии, профессор
Университета Калифорнии, Риверсайд, США
г. Риверсайд, Калифорния
+13103975784 echomax1@verizon.net

ПОЛИТИКА И РЕЛИГИЯ ЖЕСТОКОСТИ

Статья посвящена проблеме политики и религии жестокости правого крыла американского христианства. Автор рассматривает некоторые примеры проявления этих настроений в американском обществе и приходит к выводу о том, что жестокость является проявлением комплекса неуверенности в себе.

Политика и религия жестокости, гомосексуализм, аборт, «синие» и «красные» штаты.

Я как коренной житель США хочу высказать свое мнение о правом крыле американской христианской религии и политики и рассказать о некоторых жизненных ситуациях. Мне бы хотелось привлечь внимание моих российских коллег к некоторым тревожным обстоятельствам, которые они могут обнаружить также и в религиозной политике своей страны. *Жестокость* занимает видное место в мировоззрении представителей правого крыла американских верующих. Если мои российские коллеги обнаружат некоторые параллели с религиозно-политическим миром России, это будет означать, что мы затронули вопрос, являющийся значительно более важным, чем это представляется на первый взгляд. Я постараюсь доказать следующее: как мне представляется, присутствие религиозно-политической риторики жестокости среди американских верующих правого крыла отражает двойную обиду. Во-первых, это обида, вызванная всеобщим убеждением в том, что верующие правого крыла полностью *отчуждены от модерности*; во-вторых, это зависть к тем, кто комфортно ощущает себя в модерности. Очевидно, что эта отчужденность на самом деле является результатом того выбора, который сделали сами эти верующие. Они сами выбрали жизнь за пределами «магического круга» модерности. Однако они забыли о том, что самостоятельно приняли такое решение, и теперь вынуждены смотреть на тех, кто находится внутри этого круга, со смешанным чувством ненависти и зависти. По их мнению, модерность не должна доставлять людям удовольствие, как это часто происходит. Истинное счастье может приносить только причастность к тому, что они считают волей Божьей. Поэтому эти верующие испыты-

тывают радость, видя страдания других людей, поддавшихся, по их мнению, ложному чувству удовольствия и расплачивающихся за это страданиями, причиной которых на самом деле является их неверие.

Представьте себе такой сценарий: злые люди нарушают Божьи заповеди. Они грешат. Но их грехи не остаются незамеченными. Они расплачиваются за них, потому что Бог всегда наказывает грешников за их прегрешения. В этой или в будущей жизни грешники получают возмездие за содеянное ими зло. Это наказание часто бывает жестоким, оно приносит грешникам страдания, несчастья и мучения. Праведники, со своей стороны, – это те, кто сохранил верность Божьим заповедям. В то время как грешники получают наказание, праведники взирают на это в спокойной уверенности в том, что они обретут награду и благословение. Причиной дополнительного удовлетворения, которое получают благословенные праведники, является убеждение в том, что грешники страдают из-за отсутствия веры. Их нечестивость не остается незамеченной не только Богом, но и праведниками. Кроме того, по некоторым причинам праведникам недостаточно простого знания о том, что получение грешниками наказания, а праведниками благословения подтверждает космический порядок божественной справедливости. Благословенным важно *ощущение* радости при виде боли и страданий проклятых. Удовлетворение от того, что зло наказано, а правда торжествует вполне естественно. Но, что менее естественно, праведники получают истинное удовольствие от уверенности в том, что люди, творящие зло и не подчиняющиеся божественной воле, обречены на мучительную смерть в этой жизни и на вечные муки в будущей жизни. Этот сценарий я называю «религией жестокости».

Некоторые части этого сценария проявляются в реальной жизни. Стоит вспомнить, например, о том, что после событий 11 сентября 2001 г. преподобный Джерри Фалуэлл с полной убежденностью провозгласил: на землю опустилась разящая рука Божья, чтобы покарать жителей Нью-Йорка за их бесчисленные пороки. Фалуэлл не выказал ни тени сострадания к несчастным, оказавшимся в горящих башнях-близнецах. Он не выразил никакой симпатии по отношению к мученикам, которые в ужасе спрыгивали из окон и с балконов смертоносных башен. Вместо этого Фалуэлл с удовольствием ругал погибших мученической смертью людей и их скорбящих близких, пребывая в гордой убежденности в истинности теологии божественного наказания. Эти люди заслужили то, что получили, с одобрением утверждал Фалуэлл.

Теологический близнец Фалуэлла Пат Робертсон удостоверил нас в том, что пафос смерти и разрушений, которые принес ураган Катрина, был выражением Божьего способа наказания злополучных жителей Нового Орлеана за моральное разложение их города, широко известного своим бесконечным этосом «карнавала». И снова Робертсон испытывает удовольствие от того, что его представление

о мире было доказано суровыми испытаниями смертью и несчастьями, которым подвергся Новый Орлеан. Жаль, что тысячи беспомощных людей – стариков, молодых, детей, младенцев – утонули, но Божья воля должна быть исполнена. Это событие заслуживает ликования несмотря на «сопутствующие несчастья».

Стоит также вспомнить кампанию под названием «Бог ненавидит фагов» (*God Hates Fags*)¹, затеянную преподобным Фредом Фелпсом из баптистской церкви Уэстборо в городе Топека, штат Канзас. Члены церкви проводили демонстрации на поминальных службах и похоронах американских солдат-гомосексуалистов, которые отдали жизнь за страну в войнах в Ираке и Афганистане. Держа в руках плакаты с соответствующими лозунгами и громко выкрикивая священные проклятья в адрес погибших на войне гомосексуалистов, демонстранты упрямо наносили еще большие раны людям, скорбевшим о погибших. Тем самым они оскверняли память этих солдат в тот момент, когда они были наиболее уязвимы. Более того, эти благословенные члены церкви Уэстборо испытывали искреннюю радость от возможности сообщить выжившим на войне геям о том, что Бог ненавидит тех, кого они предавали земле. Сочувствие об утраченном любимом? Сопереживание боли и скорби других людей? Соблюдение правил приличия на таком святом месте, как кладбище? В уличном празднестве тех, кого вдохновил преподобный Фелпс и его сподвижники, не было и тени чего-либо подобного.

Упомяну также о весьма популярной серии романов под общим названием «Оставленные» (*Left Behind*) Тима ЛаХэй и Джерри Дженкинса. Действительно, есть много свидетельств того, что эти романы, посвященные концу света и вознесению праведников, вдохновили многих христиан на то, чтобы обратиться к благочестивой жизни. Но книги рассказывают не только о вознесении на небеса благословенных праведников. В них описывается и темная сторона, поскольку оставшихся на земле ждут бесконечные страдания. Естественно, что спасение из этого моря несчастий может быть поводом для радости. Но источником удовольствия для благословенных праведников становится также знание о страданиях неверующих. Фалуэллы, Робертсоны, Фелпсы, ЛаХайесы и их приспешники ясно выражают то, что я называю «религией жестокости».

В их поведении меня поражает не только проявление космологии зла. Одно дело – теологические рассуждения о Божьем наказании грешников смертью, болезнями и разрушениями. Другое дело – смакование религии жестокости. Радость при виде страданий отвергнутых Богом людей и удовольствие, получаемое от проклятий во время похорон в адрес умерших, говорит о том, что дело обстоит

¹ *Fag* – уменьшительное от *faggot*, одного из презрительных английских наименований гомосексуалистов.

гораздо серьезнее. Радость от страданий грешников в вечном адском огне является не только существенной частью мировоззрения Фалуэллов, Робертсонов, Фелпсов и других, но и мотивом их поведения. Если ссылки на вечные муки в адском огне оказываются недостаточными, то толпы членов движения «GNF» считают необходимым подвергать проклятию и осмеянию солдат-гомосексуалистов у их могил в присутствии скорбящих родственников.

К сожалению, такое явное проявление политики и религии жестокости в наши дни встречается достаточно часто. Не менее распространенными являются основанные на ней суждения некоторых публичных людей. Такие скрытые проявления политики и религии жестокости показывают, что это явление распространено гораздо больше, и за ним стоят более глубокие причины, чем представляется на первый взгляд. Например, 10 мая 2010 г. в газете «Нью-Йорк Таймс» появилась колонка известного обозревателя Росса Даутхета под названием «Красная семья, синяя семья». В ней он приводил некоторые парадоксальные факты из недавно вышедшей книги Наоми Кан и Джун Карбон «Красные семьи против синих семей» (*Red Families vs. Blue Families*. Oxford University Press, 2010). Даутхет пишет следующее: в так называемых «синих» штатах (более либеральных в политическом и религиозном смысле) и в так называемых «красных» штатах (более консервативных в политическом и религиозном смысле) уровень подростковых и внебрачных беременностей одинаков. Однако, как ни странно, что касается уровня родов и количества детей, которых рожают женщины-подростки и женщины вне брака, то в «синих» штатах он *ниже*, чем в «красных». При этом в «синих» штатах количество абортотворений примерно на столько же больше. С другой стороны, в «красных» штатах незамужние женщины и женщины-подростки сохраняют беременность в два или три раза чаще, чем в «синих». Даутхет делает из этого следующий вывод: на самом деле большая семейная стабильность в «синих» штатах основана на доступности абортотворений. Хотя либералы из «синих» штатов часто утверждают, что их политика в области семейных отношений уменьшает необходимость абортотворений, по мнению Даутхета, именно абортотворения оказываются причиной стабильности семьи. Что касается «красных» штатов, то Даутхет отмечает следующее: модель «красной семьи» может казаться дисфункциональной по причине присущих ей запретов и ограничений, которые не всегда соответствуют реалиям современной жизни. Однако ее характеризует и нечто другое: это есть компромиссный вариант, позволяющий обеспечить будущее Америки в пост-сексуальную эпоху без использования абортотворений.

Даутхет – вполне мыслящий и умеренный тип консерватора, весьма далекий от полных ненависти, пышущих яростным огнем Фалуэллов и Робертсонов. Тем не менее, он сознательно сводит проблему незаметных различий и заметного сходства между «красными» и

«синими» семьями к одной этой фразе: «красные» семьи есть попытка обеспечить будущее Америки в пост-сексуальную эпоху без использования аборт. Мне кажется, что и в «синих», и в «красных» штатах люди совершают одни и те же ошибки независимо от преобладающего в них религиозного и политического климата. Женщины-подростки и незамужние женщины беременеют независимо от того, является ли штат либеральным или консервативным. Возможно, женщины в «синих» штатах более счастливы и считают свой брак более удачным. Однако ни либеральные, ни консервативные общественные ценности не могут повлиять на поведение гормонов. Даутхет считает, что его интерпретация статистических данных соответствуют действительности. Однако, с моей точки зрения, за этой интерпретацией скрываются более тревожные обстоятельства. Это есть свидетельство глубоко укорененной жестокости.

Конечно, я не считаю, что Даутхет сознательно разделяет политику и религию жестокости. Я не считаю его садистом или простодушным борцом за благочестие, подобным христианам из «GPF». Я не вижу в его статье явно выраженной ненависти. Однако я хочу обратить внимание на то, что не замечает сам Даутхет, а именно, что за его интерпретацией статистики «синих» и «красных» штатов скрывается политика и религия жестокости. Хотя логика его аргументов безупречна, но он не доходит до сути дела, останавливаясь в одном шаге от признания того, что положение женщин в «красных» штатах, беременных и рожаящих людей вне брака, на самом деле трагично. В «красных» штатах в результате агитации религиозных деятелей правого крыла женщин, как правило, принуждают к тому, чтобы оставлять беременность. Кроме того, по тем же религиозным причинам их часто принуждают к скоропалительным бракам. Мы можем сделать вывод, что более высокий уровень разводов в «красных» штатах по сравнению с «синими» определяется тем, что такие вынужденные браки менее устойчивы. Среди других последствий внутреннего кризиса «красных» штатов можно назвать неизбежное распространение социальных зол – одиноких матерей, часто обреченных на нищету, разрушенных семей, семейного насилия, которое часто становится причиной разводов.

Если мое понимание последствий религии и политики «красных» штатов верно, то Даутхет в своей интерпретации статистических данных фактически оправдывает политику и религию жестокости. Если бы он, следуя своей логике, задался вопросом о том, что же происходит с женщинами, принужденными к браку и рождению детей, то он должен был бы признать, что «красные» штаты систематически практикуют то, что я называю «политикой жестокости». Законы «красных» штатов требуют, чтобы женщина, забеременевшая до брака, выходила замуж за биологического отца своего ребенка. В результате эти женщины выходят замуж за мужчин, с ко-

торами им трудно установить нормальные семейные отношения. Эти браки часто распадаются. Именно это я и называю жестокостью. Кроме того, поскольку незамужние женщины и женщины-подростки в «красных» штатах имеют меньше возможностей прерывать беременность, они донашивают и рожают детей, которых не любят и не хотят. Это я также называю жестокостью. Когда я думаю об этих несчастных созданиях, я вижу в их судьбе влияние политики жестокости, которую поддерживает и усиливает соответствующая религия жестокости. Но так быть не должно.

Однако мои критики могут посчитать, что прерывание беременности также есть проявление жестокости. Какую из двух жестокостей выбрать? Как выбирать, если ребенок в утробе матери не имеет никакого права голоса, тогда как у беременной женщины по крайней мере есть альтернатива? Я не испытываю никакого удовольствия от аборт, и мне не известны женщины, которые думали бы иначе. Я прекрасно понимаю, что право выбора (*pro-choice*) и право на аборт (*pro-abortion*) – это не одно и то же. Право выбора заключается в следующем: признается, что в определенных пределах, например при слабом здоровье, решение о прерывании беременности является вопросом совести женщины. Однако вне этих пределов вопрос о прерывании беременности становится публичным и потому политическим, поэтому он должен регулироваться законодательством. Именно в этом заключается смысл знаменитого решения Верховного суда США по делу Роу против Уэйд (*Roe v. Wade*).

Критики также могут сказать следующее: прекрасно, что эта проблема регулируется законодательно, но это не отменяет проявления жестокости в аборте. Не является ли аборт жестоким независимо от того, легален он или нелегален? Здесь речь идет не о душевных муках или проблемах матери, а о реальной смерти потенциального человеческого существа. Противники аборт, по их словам, выступают «за жизнь». Нет никаких сомнений в том, что аборт является прерыванием жизни. Но отвечая на это возражение, я должен признаться в некотором невежестве. Конечно, я знаю о том, что аборт убивает. Но здесь есть нечто такое, что менее известно, и это в некотором смысле даже важнее смерти. На самом деле я ничего не знаю о страданиях плода во время аборт и поэтому не могу сказать, насколько жестоким является аборт. Было бы хорошо узнать об этом. Каждый, кто когда-нибудь сталкивался со страданиями даже любимого домашнего питомца, не говоря уже о человеке, подтвердит, что ничто так не ранит душу, как страдания, боль и агония ближнего.

Мои российские читатели могут вспомнить классическое описание иррациональности человеческих страданий в повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Вот замечательный отрывок из нача-

ла 12-й главы, где Толстой описывает мысли Ивана Ильича, переживающего жестокую агонию:

С этой минуты начался тот три дня не переставший крик, который так был ужасен, что нельзя было за двумя дверями без ужаса слышать его. В ту минуту, как он ответил жене, он понял, что он пропал, что возврата нет, что пришел конец, совсем конец, а сомнение так и не разрешено, так и остается сомнением.

– У! Уу! У! – кричал он на разные интонации. Он начал кричать: «Не хочу!» – и так продолжал кричать на букву «у».

Все три дня, в продолжение которых для него не было времени, он барахтался в том черном мешке, в который просовывала его невидимая непреодолимая сила. Он бился, как бьется в руках палача приговоренный к смерти, зная, что он не может спастись; и с каждой минутой он чувствовал, что несмотря на все усилия борьбы он ближе и ближе становился к тому, что ужасало его. Он чувствовал, что мученье его и в том, что он всовывается в эту черную дыру, и еще больше в том, что он не может пролезть в нее.

Хочу еще раз сказать: я не являюсь сторонником «милосердного умерщвления». Но в свете своего опыта присутствия при боли и страданиях других людей я не возьмусь утверждать, что знаю, что именно следует делать в случае возникновения такой необходимости. Но достаточно о себе. Вернусь к проблеме абортов и страданий: если боль действительно вызвана определенными медицинскими методами, то современная медицинская наука вполне способна разработать безболезненные способы прерывания беременности. Поэтому, как мне кажется, аборт и вызываемую им смерть следует отличать от боли, страданий и жестокости. Аборты не должны вызывать боль, страдания и жестокость по отношению к плоду. Однако статистические сведения о «синих» и «красных» штатах ясно говорят о том, что принуждение женщины к вынашиванию ребенка, необходимость выходить замуж за отца ребенка независимо от чувств к нему и т.п. потенциально приговаривает многих из этих женщин к длительной боли и страданиям. Я старался доказать, что именно это и является практикой политики и религии жестокости.

Итак, меня беспокоит следующий вопрос: если предположить, что вышеизложенное всем хорошо известно (а в этом вряд ли можно сомневаться), то почему люди, которые называют себя последователями Иисуса, придерживаются религии и политики жестокости, и до каких пор они будут это делать? Какова степень бессердечности и бессмысленности, которая необходима для этого? Как можно желать боли и страданий людям, которые ни в коей мере мне не угрожают? Как христиане, подобные Фалуэллу и Робертсону, могут испытывать радость и удовольствие при мысли о смерти невинных

людей, сгоревших в огне Всемирного торгового центра или утонувших на побережье Луизианы во время урагана Катрина?

Здесь мне следует признаться в том, что мои аргументы основаны на жизненных примерах, а не на твердой основе социологических исследований. Однако этим я обязан личной причастности к жестокому и безжалостному миру правого крыла христиан, радующихся страданиям грешников. Я наблюдал подобное отношение в узком кругу моих родственников. Я был оглушен ликованием обычно спокойных людей, которые радовались по поводу истязаний и мук, ожидающих тех, кто не спасется в момент вознесения праведников. Я был поражен бессердечным проявлением мстительной радости, когда они рассуждали о вечных муках, обещанных неверным. Пусть мои рассуждения основаны на простых житейских примерах, но, как я надеюсь, читатели подтвердят мои впечатления своими собственными примерами, которые побудят некоторых серьезных социологов разработать проект для проверки моих идей. Мне будет очень интересно ознакомиться с его результатами.

Но поскольку мне многое не ясно, я начал формулировать некоторые объяснения. Надеюсь, что они более продуктивны, чем сокрушения по поводу того, что значительная часть американского христианства приняла эту горькую и садистскую форму. Прежде всего, если вспомнить слова из Книги «Откровение» о той радости, которые испытывала всеми гонимая ранняя христианская церковь по поводу страданий и боли врагов Христа, то эпидемия аналогичных настроений среди современных американских христиан не покажется чем-то удивительным. Но на самом деле злорадство при виде страданий других людей доказывает, что представители правого крыла нашего христианства считают, что над ними надсмехаются, что их обижают, атакуют со всех сторон и унижают. Их праведный гнев и радость при виде страданий тех людей, которых они считают своими врагами, является естественной реакцией на чувство униженности и отверженности. Неважно, имеет ли это чувство реальные основания, но некоторые христиане правого крыла ощущают себя именно таким образом. Отчасти их оправдывает то обстоятельство, что для некоторых известных либералов они являются постоянным предметом осмеяния. Независимо от того, как я отношусь к творчеству Билла Мара в целом, его недавний фильм «*Religulous*»¹ является ярким примером презрительного отношения к религиозным людям и политикам правого крыла. Неудивительно, что религиозные правые почувствовали себя задетыми. Люди, формирующие общественное мнение в Америке, не выказывают к ним никакого уважения. Заслуживают ли они уважения – это другой вопрос. В

¹ «*Religulous*»: документальный фильм о религии (2008 г.) Сценарист и ведущий – Билл Мар. Название фильма образовано посредством совмещения слова «религиозный» (англ.: *Religious*) и «смехотворный» (англ.: *Ridiculous*).

данном случае мы говорим об их восприятии. А они, справедливо или нет, чувствуют себя униженными. Их ответ заключается в мстительном превознесении собственной праведности в противовес их самодовольным мучителям. Они злорадствуют, воображая, как от их мучителей отворачивается удача, и в ответ сулят им всяческие несчастья. Может быть, именно здесь ключ к современной политике и религии жестокости?

Перевод Е.А. Степановой¹

RESUME

Ivan Strenski, Ph.D., Professor, University of California, Riverside, USA, Riverside, CA. +13103975784; echomax1@verizon.net

Politics and Religion of Cruelty

The article considers the politics and religion of cruelty of the “right wind” American Christianity. The author gives some evidence of such attitudes in American society and concludes that cruelty is the result of the lack of personal self-evidence.

Politics and religion of cruelty, homosexuality, abortion, “blue” and “red” states.

* * *

Елена Алексеевна Степанова

доктор философских наук, доцент,
главный научный сотрудник
Учреждения Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург (343) 362-81-33
el_stepanova@mail.ru

Послесловие

Айвон Стренски, профессор религиозных исследований колледжа гуманитарных наук, искусств и социальных наук Университета Калифорнии в Риверсайде – один из известных в западном мире специалистов по социологии религии. Айвон имеет степень бакалавра искусств Университета Торонто (Канада) и докторскую степень Бирмингемского университета (Великобритания). Пост-докторские исследования он проводил в Йельском университете (США). Одним из направлений его научных и общественных интересов является исто-

¹ Перевод выполнен в рамках программы Президиума РАН «Экономика и социология знания» по проекту «Гуманитарное знание XXI века: интеллектуальные и институциональные вызовы».

рия религиоведения, состояние религии и миграции в США и Европе, а также проблема соотношения религии и политики. Он активно сотрудничает с коллегами из разных стран, в том числе, из Мексики, Южной Африки, Великобритании, Дании и России.

Его книги посвящены различным проблемам истории и современного состояния исследований религии. Среди последних монографий можно назвать, например, следующие: «Размышления о религии» (*Thinking about Religion*. Blackwell, 2005); «Новый Дюркгейм: статьи о философии, религиозной идентичности и политики знания» (*The New Durkheim: Essays on Philosophy, Religious Identity and the Politics of Knowledge*. Rutgers University Press, 2006).

Айвон Стренски также известен своими публицистическими выступлениями, касающимися различных сторон соотношения религии и политики в современном мире. Так, широкую популярность приобрела его статья «Самопожертвование, дар и социальная логика мусульманских “живых бомб”», опубликованная в журнале «Терроризм и политическая жестокость» (*Sacrifice, Gift and the Social Logic of Muslim ‘Human Bombers*. In: *Terrorism and Political Violence*, 2004. V. 3), в которой он анализировал внутренние побуждения террористов, взорвавших самолеты над городами США 11 сентября 2001 г.

Статья «Политика и религия жестокости» написана специально для данного сборника. Возможно, некоторым российским читателям, недостаточно знакомым с современными американскими дискуссиями на социальные темы, примеры, которые приводит автор, покажутся несколько экзотическими. Однако следует подчеркнуть, что в США, как и во многих западноевропейских странах отношение к гомосексуализму и абортам является «лакмусовой бумажкой» в отношении людей к консервативному или либеральному политическому и мировоззренческому лагерю. Это отношение также определяет понимание сущности прав человека и во многом служит критерием оценки политических решений и социальной практики западных стран.

На мой взгляд, важным для российского читателя представляются вопросы, которые Айвон Стренски ставит в своей статье по поводу правого крыла американских верующих – так называемых евангелических христиан, которые играют весьма важную роль в американской политической и общественной жизни, являясь значительным электоральным резервом республиканской партии (подробнее об этом можно прочитать в статье Уолтера Р. Мида «Божья страна» // *Россия в глобальной политике*, 2006. № 5). Эти вопросы звучат так: «Почему люди, которые называют себя последователями Иисуса, придерживаются религии и политики жестокости, и до каких пор они будут это делать? Какова степень бессердечности и бессмысленности, которая необходима для этого? Как можно желать боли и страданий людям, которые ни в коей мере мне не угро-

жают?». Поскольку в России религиозный и политический фундаментализм сегодня также весьма распространен, поиск ответа на эти вопросы может быть весьма полезным в анализе мировоззрения некоторой части россиян.

Е.А. Степанова

RESUME

Elena Alexeevna Stepanova, Doctor of Philosophy, principal researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian academy of Sciences. Ekaterinburg, (343) 362-81-33 el_stepanova@mail.ru

Материал поступил в редколлегию 4.10.2010 г.